

Кто был «кормщик умный» (О стихотворении А.С. Пушкина «Арион»)

© 2026, М.Г. Альтшуллер
Питтсбургский университет,
Питтсбург, США

Аннотация: Стихотворение «Арион» представляет собою развернутую автобиографическую метафору, в которой русская интеллектуальная элита изображена как команда челна, управляемого «мудрым кормщиком». Метафорический смысл стихотворения абсолютно ясен; вихрь шумный — трагические события конца 1825 — начала 1826 гг.; певец — сам Пушкин и его судьба и пр. При этом остается неясным, кого мог изобразить автор в фигуре кормщика, направляющего движение челна. Высказывались самые различные предположения: Рылеев, Пестель, Александр I, а также сомнения в том, что эта фигура подлежит расшифровке. Автор статьи предполагает, что за образом Кормщика мог стоять Н.М. Карамзин. Для подтверждения этой гипотезы рассматриваются отношения Пушкина и Карамзина, авторитет Карамзина в общественной жизни 1820-х гг. Скоропостижная смерть историка («погиб и кормщик») совпала по времени с трагическими событиями 1825–1826 гг.: смерть Александра I, восстание декабристов, казни и ссылки. Подтверждают наши соображения и текстологические переключки с текстом «Ариона» в стихах Карамзина и Пушкина. «Арион» рассматривается как заключительное стихотворение цикла из четырех текстов, в которых последовательно расширяется читательская аудитория: «Стансы», «Друзьям», «Во глубине сибирских руд...», «Арион». В первом автор обращается с похвалами к только что восшедшему на престол императору. Во втором объясняет свои взгляды ближайшему окружению — «друзьям». В третьем надеется на скорое освобождение друзей-декабристов и их возвращение к активной общественной жизни. В четвертом автор формулирует свою жизненную позицию, обращаясь к широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Арион», Н.М. Карамзин, русская поэзия XIX века, декабристы, автобиографизм, исторический контекст, прототипы

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер — кандидат филологических наук, почетный профессор, Питтсбургский университет, 4200 Пятая авеню, Питтсбург, Пенсильвания 15260, США.

E-mail: altshul@pitt.edu

Для цитирования: *Альтшуллер М.Г.* Кто был «кормщик умный» (О стихотворении А.С. Пушкина «Арион») // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 234–250. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-234-250>

16 июля 1827 г. Пушкин написал небольшое (15 строк) стихотворение «Арион». Прежде всего, хотя текст известен всем наизусть, все-таки позволим себе привести его целиком для удобства чтения при последующем построчном разборе:

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный....
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою [13, т. 3, с. 58].

Автобиографизм стихов несомненен. Отсылка к известному античному мифу зафиксирована главным образом в заглавии. Рассказ о буре, кораблекрушении и неожиданном спасении певца не имеет ничего общего с судьбой Ариона, бросившегося за борт, чтобы спастись от рабителей.

Прозрачные аллегории: буря, кораблекрушение — подразумевают трагические события конца 1825 – начала 1826 гг. Весь текст, таким образом, представляет собою развернутую метафору, главным действующим лицом которой является «я», «певец», т. е. автор. В стихотворении нет никакого «лирического героя», а сам Александр Сергеевич Пушкин рассказывает о себе.

При этом далеко не все составляющие этой метафоры столь очевидны, как буря или певец-Пушкин. Неясно, что представляют собою «пловцы», что это за люди. Какие песни («гимны») поет

автор. И, наверное, самое интересное, кто подразумевается под «кормщиком», конкретным, дважды названным персонажем текста. Попыткой ответить на эти вопросы является предлагаемая вниманию читателя заметка.

Ясно, что «певец» (А.С. Пушкин) рассказывает в «Арионе» о себе, человеке, чудом уцелевшем в вихре трагических исторических событий. Так же, как в стихотворении «Друзьям», написанном вскоре после «Ариона» (вероятно, в конце 1827 г.), он безо всякой метафоричности рассказал о себе, разъясняя, почему, за что он «полюбил» молодого царя Николая. Но там адресат был обозначен четко: Пушкин объяснял свою позицию. Возникает вопрос, нет ли в «Арионе» такого же типа автобиографического сообщения (что вытекает из содержания текста) и кому в этом случае рассказывает он о своем спасении, о своем творчестве, юношеском и нынешнем.

В книге «Длятся ночи декабря...» А. Чернов мельком заметил, что пушкинский «Арион» является ответом А. Одоевскому на его послание «Струн вещей пламенные звуки ...»¹. Правда, мы не знаем точно, когда послание Пушкина дошло до сибирских узников, когда Одоевский написал свой ответ, когда он дошел до Пушкина². Но полугодовой интервал между «Во глубине сибирских руд ...» и «Арионом» допускает такое предположение: Пушкин мог познакомиться со стихами Одоевского или до него могли дойти слухи об отрицательном отношении декабристов, которые увидели в послании только призыв к терпению и надежду на царскую милость.

Во всяком случае, справедливое, но несколько прямолинейное, замечание Чернова нуждается в уточнении, более основательном рассмотрении текста «Ариона», более широком временном и локальном контексте, в уточнении связи метафорического поэтического текста с историческими реалиями и пр. Хотя реакция декабристов на «Во глубине ...» могла стать важным импульсом для появления «Ариона», но при этом стихи Пушкина оказались гораздо многозначнее, чем просто ответ Одоевскому.

Естественно, что в советское время, когда Пушкин был назначен певцом свободы, борцом с самодержавием, провозвестником революции и пр. и пр., «Арион», написанный вскоре после восстания декабристов, рассматривался как утверждение поэта в своих революционных идеях, ничуть не изменившихся после трагедии 14 де-

¹ «...всяко выходит, что созданный уже в Петербурге «Арион» (16 июля 1827 г.) — ответ Одоевскому. Пушкин согласился с Одоевским и признал свою роль в декабристском движении: да, он был их Арионом. А на упрек в ренегатстве возразил одним стихом: “Я гимны прежние пою...”» [15, с. 65].

² См. об этом в нашей статье [2].

кабря. Так, ведущий советский историк М.В. Нечкина утверждала: «В 1827 Пушкин написал стихотворение “Арион”. В нем Пушкин осознает себя членом декабристского коллектива (“Пловцам я пел”) и подчеркивает, что и после восстания он остался ему верен (“Я гимны прежние пою”))»³.

При таком прямолинейном рассмотрении текста все метафоры приобретают конкретный и достаточно примитивный характер. Вслед за авторитетным академиком появились авторы, утверждавшие без тени сомнения, что лодкой, наполненной декабристами, управляют Рылеев или Пестель. Вот два примера. Первый написан годом позже категорического постулата Нечкиной: «Принимая во внимание сохранившийся восторженный отзыв Пушкина о Пестеле, надо думать, что под “умным кормщиком”, который “в молчаньи правил грузный чолн”, поэт подразумевал его».⁴ Мало что изменилось и десять лет спустя: «Конечно “пловцы” — это декабристы, “кормщик умный” — это Пестель или Рылеев, руководители восстания: один на юге, другой а севере, в Петербурге ...»⁵

Оставим, однако, эти забавные интерпретации, имеющие, впрочем, некоторый исторический интерес, и обратимся к тексту стихотворения. «Нас было много на челне», — говорит поэт. И об этом «много» совершенно справедливо замечает современный исследователь: «... сообщество “пловцов” на челне — это, скорее, просвещенный слой русского общества (его духовная элита) в годы после окончания Отечественной войны 1812 года, в том числе, конечно, и декабристы, но не только они. Или, что в определенном смысле то же самое, — собственное окружение Пушкина, опять-таки включающее в себя и декабристов (например, Рылеева, Бестужева, Кюхельбекера, Пущина), но не только их, а и людей далеких от декабристских идей: Карамзина, Жуковского, Вяземского, Дельвига, Плетнева и др.» [10, с. 188].

Действительно, следующие три строки ясно показывают, что люди, составляющие эту элиту, были (и это, очевидно, очень важно для Пушкина, который в 1817–1820 гг. сам являлся одним из ярких членов этой петербургской элиты) абсолютно разными, с разными интересами, занятиями и настроениями (отнюдь не только политическими):

³ Нечкина М.В. Пушкин и декабристы // Пушкин в школе: сборник статей / [сост. И.И. Савостьянов]; под ред. Н.Л. Бродского и В.В. Голубкова. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1951. С. 64.

⁴ Розанов И.Н. Пушкин — певец свободы // Пушкин: материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 112.

⁵ Рождественский В.А. Читая Пушкина. Л.: Детгиз, 1962. С. 53.

Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы [13, т. 3, с. 58].

И сами декабристы, которые, несомненно, входили в формулу «нас было много», тоже были очень разными. «Иные» из них, как, например, Николай Тургенев, интересовались проблемами государственного устройства. Он написал известную книгу «Опыт теории налогов» (1818) и не считал литературные занятия серьезным делом. «Другой» декабрист, Кондратий Рылеев, писал созданные по готовым схемам «Думы» (1825) и восхищавшую Пушкина романтическую поэму «Войнаровский» (1824). И в это самое время совсем «другие» занимались делами, не имевшими никакого отношения к политике: Николай Гнедич, над которым Тургенев смеялся⁶, переводил «Илиаду», а Александр Улыбышев усердно занимался музыковедением. Хорошо известно, какую роль играли в жизни Пушкина образованнейшие П.Я. Чаадаев и П.П. Каверин, не состоявшие в тайных обществах. Перечисление таких «иных» и «других» можно бы было продолжать очень долго.

Именно этим разным «иным» и «другим» пел, «беспечной веры полн», свои стихи / песни молодой поэт. И «вера» эта, разумеется, заключалась не только в «горении свободой» и «прекрасных порывах» к крушению «самовластья» [13, т. 2, с. 35]. Юноша воспевал и «Веселый пир», «где просторен круг гостей, / А кружок бутылок тесен» [13, т. 2, с. 65], и любовь, платоническую и не очень («Лаиса, я люблю твой смелый взор, / Неутолимый жар, открытые желанья, / И непрерывные лобзанья» [13, т. 2, с. 9]. «Беспечной веры полн», он погружался в не очень глубокие, но жизнерадостные философские раздумья («Мгновенью жизни будь послушен, / Будь молод в юности своей». [13, т. 2, с. 89]). И даже возносил хвалы императрице Елизавете Алексеевне: «Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой» [13, т. 2, с. 36]. Многообразие творческих мотивов юношеской лирики отразится в последнем четверостишии «Ариона», но об этом — позже.

⁶ 24 февраля 1817 г. Н. Тургенев, произносил «Речь при вступлении в “Арзамас”», где посмеялся над Гнедичем, переводившим «Илиаду» и прочитавшим в Публичной библиотеке свою поэму «Рождение Гомера»: «...слушатели были поражены какими-то дикими и беспорядочными звуками. Кто бы подумал, слушая чтение помощника библиотекаря, что дело идет о Гомере. <...> Я, занимая мысли мои всегда, даже в Библиотеке, финансами, вздумал, что приличнее было бы помощнику библиотекаря и переводчику Гомера, вместо «Илиады», перевести в стихах, и даже экзаметрами <...> Justi Abhandlung von den Steuern und Abgaben <“Трактат о взыскании налогов и платежей” Юста>» [5, кн. 1, с. 390].

И был некто, кто являлся, может быть, не руководителем, скорее непререкаемым нравственным авторитетом для всех этих умных, энергичных столь разных и талантливых молодых людей:

В тишине

На руль склоняясь, наш кормщик умный

В молчаньи правил грузный чолн [13, т. 3, с. 58].

При той прозрачной метафоричности, на которой построен весь текст, естественно возникает вопрос, чья личность проступает сквозь образ спокойного немногословного *умного* рулевого, несомненно, оказывающего серьезное влияние, в какой-то степени формирующего общественное мнение 1810-х гг.

Для пропагандистского мышления естественно было усадить за руль революционного корабля вождя — Рылеева или Пестеля. Когда советская власть прекратила свое существование, место «кормщика умного» заняла прямо противоположная кандидатура. на место рулевого был предложен ... Александр I. Эту гипотезу в статье «Зачем ты, грозный Аквилон...», ссылаясь на газетную заметку В. Непомнящего⁷, высказал В.М. Есипов [9]. Впрочем, на этом своем предложении он вполне справедливо не очень настаивает: «Но вместе с тем текст “Ариона” не содержит безусловных доказательств правильности такой персонификации “кормщика”. Так что вопрос о нем все-таки остается открытым. У нас нет уверенности в том, что этот образ подлежит “расшифровке”. Во всяком случае, пушкинский текст не позволяет этого сделать с достаточной определенностью» [9, с. 104].

Предложенная В. Есиповым кандидатура представляется почти столь же неприемлемой, как и декабристские вожди. Александр I, в конце 1810 — в начале 1820-х гг. усталый, отягченный тяжким грехом (попустительствовал убийству собственного отца), ударившийся в мистицизм, не очень любивший вверенную его попечению страну, никогда не проявлявший интереса к русской культуре⁸, не мог восприниматься как авторитет просвещенной. либерально настроенной элитой. И сам автор «Ариона» не мог так писать об Александре, загнавшем его в глухую ссылку, человеку, которого он терпеть не мог, над которым зло смеялся в молодости (именно

⁷ Непомнящий В.С. «Гляжу вперед я ...» // Вехи. 1994. № 23, июнь.

⁸ За данную и некоторые последующие формулировки автора редакция журнала ответственности не несет.

об этом времени вспоминает он в «Анакреоне») и о котором спустя три года напишет:

Вл<аститель> слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами ц<арство>вал тогда [13, т. 6, с. 521]⁹.

Так что сомнения Есипова в предлагаемой им кандидатуре понятны. В то же время никак нельзя согласиться с мыслью, что образ кормщика «*не подлежит расшифровке*», тем более с тем, что текст «*не позволяет этого сделать с достаточной определенностью*» (курсив здесь и далее мой. — М.А.). Метафоризм «Ариона» абсолютно прозрачен, весь текст представляет собою очевидную развернутую метафору. Трудно представить себе, что за очень значимой фигурой кормщика не просвечивает живое человеческое лицо.

Думается, что в умном кормщике воплотилась для Пушкина память о Николае Михайловиче Карамзине¹⁰. Нет нужды напоминать, что Карамзин был знаменитым писателем, «Колумбом, русской истории», близким и бескорыстным другом императора. Он был убежденным сторонником самодержавия как лучшей формы государственного правления для России. Однако в «Записке о древней и новой России» (1811) дал такую нелицеприятную характеристику русским самодержцам и их деяниям, что ее не только невозможно было напечатать в России, но и советская цензура ее запретила¹¹. Безукоризненная честность и порядочность Карамзина была вне сомнений. Он был нравственным ориентиром для всего пушкинского поколения. В 1831 г. Жуковский недаром писал (в стихотворении «К Ив.Ив. Дмитриеву»):

Лежит венец на мраморе могилы:

⁹ Позже отношение к Александру I у Пушкина изменилось. Об этой эволюции см. в нашей статье: *Альшиллер М.Г.* Русские цари в художественных текстах Пушкина // Литература и власть в России XVIII–XIX вв. / отв. ред. А.Д. Ивинский. М.: ИМЛИ РАН (в печати).

¹⁰ В первом слое правок белового автографа появился вариант: «Отважно правил ...» [13, т. 3, с. 593]. Однако воинственный эпитет (отважный) совершенно не соответствовал характеру спокойного, немногословного, внимательного и доброжелательного Карамзина. «Умный» — сохраняется во всей дальнейшей работе.

¹¹ Об этом автору рассказывал Г.П. Макогоненко, подготовивший к печати (вместе с П.Н. Берковым) двухтомник сочинений Карамзина, вышедший в 1964 г. В 1984 г. этот двухтомник вышел вторым изданием. Для него, по договору с издательством «Художественная литература», должны были подготовить «Записку...» В.Э. Вацуро и В.П. Степанов. Однако издание снова вышло без нее. В дарственной надписи на томе Георгий Пантелеймонович восклицал: «А “Записки” опять нет! Доколе???» [6, с. 185–186].

Ей молится России верный сын;
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя Карамзин [11, т. 2, с. 287].

При этом личные отношения Пушкина с Карамзиным были достаточно сложными как раз во время первого петербургского периода его жизни (1817–1820), о котором в основном и вспоминается в «Арионе»: *нас было много* ...). Однако именно в 1827 г. для Пушкина стало естественно говорить о Карамзине с восхищением и почтением. Скажем об этом несколько слов в защиту нашей гипотезы.

Имя Карамзина и его творчество знакомы Пушкину с раннего детства. Историк хорошо знал отца Пушкина Сергея Львовича, и его брата, известного поэта Василия Львовича. В лицейские годы Карамзин навещал молодого поэта, а сам Пушкин в последний выпускной год постоянно посещал его в Царском селе и пользовался его дружеским расположением¹². Эти очень дружеские отношения продолжались и в 1817 г. в Петербурге, где Пушкин поселился у родителей в Коломне.

Однако вскоре между молодым поэтом и почтенным историком, который был на 33 года старше Пушкина, начались серьезные идеологические расхождения. Они были вызваны сенсационным явлением первых восьми томов «Истории государства Российского». При общем восхищении, у либеральной интеллигенции, они вызвали недовольство своей монархической тенденцией. «История Народа принадлежит Царю»¹³, — закончил Карамзин посвящение своего труда Александру I. Почти десять лет спустя, вспоминая свою молодость, Пушкин писал: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения» [13, т. 12, с. 306]. Одним из этих «якобинцев» был Пушкин, который, по словам авторитетного исследователя, оказался в 1818 г. «в самом центре петербургской оппозиции Карамзину»¹⁴. При этом, как отмечает тот же исследователь, рассказывая о яростном идеологическом споре с историком Никиты Муравьева:

¹² Подробный рассказ об отношениях Пушкина и Карамзина см.: Эйдельман Н. Пушкин — Карамзин // Эйдельман Н. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Худож. лит., 1987. С. 177–259.

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 1.

¹⁴ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Подвиг честного человека // Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. С. 42.

«Это был ярчайший случай чисто принципиального спора, непримиримого столкновения двух людей, глубоко уважавших друг друга»¹⁵.

Пушкин, как и Никита Муравьев, тоже чувствовал глубокое уважение к Карамзину и тогда же, в пору самого острого разлада в их отношениях, когда (писал он Вяземскому 10 июля 1826 года) «Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив мое честлюбие и *сердечную мою к нему приверженность*. Я до сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна ...» [13, т. 13, с. 285–286]. Здесь речь идет об известной эпиграмме, которую сам Пушкин, полупризнаваясь в своем авторстве [13, т. 12, с. 306], назвал «одной из лучших русских эпиграмм»:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута¹⁶.

Действительно, дерзкий эпиграмматист остроумно и беспощадно формулирует в ней политические обвинения. Однако прежде всего отмечает блестящие художественные достоинства осмеиваемого труда (изящность, простота), а затем говорит о честности автора, верности своим убеждениям (без всякого пристрастья). Лишь в последних двух строках несколько утрировано названы неприемлемые для него общественно-политические предубеждения историка¹⁷.

В тех же автобиографических отрывках, которые мы цитировали выше, Пушкин, видимо, вспоминая начальный период их расхождения, снова говорит, несмотря на давнюю обиду, о своей любви и глубочайшем уважении к Карамзину и тогда и, конечно, теперь, когда это пишется¹⁸: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: “Итак вы рабство предпочитаете свободе”. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. *Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души*». [13, т. 12, с. 306].

¹⁵ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Подвиг честного человека // Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. С. 39.

¹⁶ Апрель-август 1818 г.

¹⁷ В.Э. Вацуро показал в комментарии, что эпиграмма «отражает впечатления от чтения шестого тома “Истории государства Российского”, где идет речь о становлении русского самодержавия в царствование Ивана III» [14, с. 523–524].

¹⁸ В. Вацуро датирует эти заметки о Карамзине «не ранее середины июня 1826» [7, с. 102]. Обоснование датировки [7, с. 92–102].

Разногласия завершились прекращением общения. Пушкин перестал бывать у Карамзиных. Наступил 1820-й год. Автору злых и остроумных эпиграмм на царя грозит ссылка в Сибирь или на Соловки. Карамзин горячо заступается за непутевого, но талантливого поэта. Злопамятный Александр уступает (свою месть он осуществит через четыре года, сослав поэта в Михайловское), и Пушкин отправляется на службу в Кишинев. Больше они не увидятся. И не переписываются. Но через переписку с друзьями поддерживаются достаточно теплые отношения¹⁹.

В течение четырех лет южной ссылки взгляды и убеждения Пушкина меняются. Поневоле оказавшись в Михайловском, он с восторгом читает десятый и одиннадцатый тома «Истории» («Что за чудо эти два последние тома Карамзина! Какая жизнь!» [13, т. 12, с. 211], и в декабре 1824 г. приступает к работе над трагедией «Борис Годунов». Связь трагедии с «Историей» настолько тесна, что Ф. Булгарин во «внутренней» недоброжелательной рецензии имел возможность написать: «... это отдельные сцены или лучше сказать отрывки из X и XI тома “Истории государства российского” сочинения Карамзина, *переделанное в разговоры и сцены*» [8, с. 91]. Здесь не место говорить о самой трагедии, ее идеях и отличии пушкинской трактовки истории и ее персонажей от карамзинской²⁰. Вместо этого нужно только сказать, что посвящение трагедии не оставляет никаких сомнений в благоговейном отношении автора к памяти одного из самых значительных деятелей русской культуры. На титульном листе единственного прижизненного издания трагедии (1830) написано:

Драгоценной для россиян
памяти
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
КАРАМЗИНА
Сей труд, гением его вдохновенный,
С благоговением и благодарностию
Посвящает
Александр Пушкин.

¹⁹ См.: Эйдельман Н. Пушкин — Карамзин // Эйдельман Н. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Худож. лит., 1987. С. 177–259.

²⁰ Нашу концепцию «Бориса Годунова» см.: в главе «Народ в трагедии Борис Годунов» [4, с. 99–120]. См. также: [1, 3].

Отметим еще два текстологических факта, которые, можно думать, подкрепляют нашу гипотезу. В 1796 г. Карамзин напечатал в «Аонидах» пространное (ок. 500 строк) «Послание к женщинам». Стихи пользовались популярностью. Г.Р. Державин писал И.И. Дмитриеву 5 августа 1796 г.: «Я получил от Николая Михайловича “Аонида”, — книжка, в которой много прекрасных стихов, а особливо его эпистола к женщинам *очень-очень* хороша...»²¹. Пушкин, конечно, познакомился с ней еще в ранней юности, когда стихи хорошо запоминаются и остаются в памяти на всю жизнь. Весь текст эпistolы пронизан автобиографическими мотивами, как и пушкинский «Арион». И в ней есть строки, явно перекликающиеся с этим стихотворением²²:

Погибель ждет пловцов беспечных,
Когда их кормщик в бурю спит;
Но кормщику не можно
Без ветра морем плыть.
Уму лишь править должно
Кормилом жизни сей
Нас по морю несет шумящий ветер страстей ...
Блажен, кто с веющим зефиром,
С любовью в сердце и очах
Летит на парусных крылах
К счастливой пристани, где с миром
Нас гений тихой смерти ждет!²³

Аллегорическая картина Карамзина: море, корабль, буря, — совпадает с пушкинской метафорой. Вряд ли случайны совпадения лексем: погибель (погиб), пловцы (пловец), ум (умный), парусные (парус). И, конечно, особенно показательно слово кормщик, очевидно, уже в пушкинское время достаточно устарелое и экзотическое. В стихотворении Карамзина оно встречается два раза. Два раза встречается оно и в «Арионе», и это *единственный* <!> случай употребления слова кормщик Пушкиным. Таким образом, есть основания считать, что Карамзин (и его творения) всплывали в памяти Пушкина, когда он писал свое стихотворение.

²¹ Державин Г.Р. Сочинения: с объяснительными примечаниями [и предисл.] Я. Грота: [в 9 т.]. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1864–1883. Т. 6. С. 50.

²² Указано И.Ю. Виницким в частной беседе с автором статьи.

²³ Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 173–174. (Серия «Библиотека поэта. Большая серия»).

Вторая текстологическая параллель. Через две недели после «Ариона» (Помета в черновой рукописи: «31 июля 1827») Пушкин пишет «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной». Поздравительные стихи по случаю именин дочери историка начинаются двумя строками:

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем... [13, т. 3, с. 65]

Комментируя эти строки, очень точно пишет О.С. Муравьева: «В “Акафисте” Карамзин не упоминается, однако не исключено, что отношение поэта к недавно умершему историку во многом определило характер стихотворения. Строки о певце, спасенном от бурь провидением и наконец достигшем земли, прямо перекликаются с “Арионом”...» [14, с. 10].

В развернутой метафоре, ориентированной на античность, имя современника назвать невозможно. Но то, что в стихах, обращенных к дочери историка, возникают мотивы этого стихотворения, делает очень вероятным прямое соотнесение «кормщика» с памятью о Карамзине.

Он умер вскоре после 14 декабря, 22 мая 1826 г. Уже не очень здоровый, с ужасом наблюдая за происходящим, он сильно простудился на холодных зимних улицах и площадях Петербурга. И его смерть включается в череду страшных, трагических событий конца 1825 – начала 1826 гг.: смерть Александра I, междуцарствие, восстание в центре столицы, воцарение Николая I, смерть Карамзина, не бывавая в России в течение нескольких десятилетий смертная казнь, на кронверке Петропавловской крепости. В *измывшем лоно вод* (изменившем ход русской истории) «*шумном вихре*», когда погиб *кормщик*, Россия потеряла одного из самых ярких деятелей предшествующей эпохи²⁴.

В последних пяти строчках стихотворения (после катастрофы) автор переходит от прошлого к настоящему и прошедшее время глаголов сменяется настоящим: «песни ... пою», «ризу сушу». При этом нужно отметить, что в какой-то момент (в третьем слое правок белого автографа) автор попытался объективировать повествование, рассказать о нем, как сторонний наблюдатель. «Мы» превратились в «они»: «Их было много ...», а «я» стало «он»: «А он ... веры полн;

²⁴ «В представлении современников и ближайших потомков историограф стал еще одной, пусть невной, жертвой рокового дня» (Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 141).

пловцам он пел; он таинственный певец» [13, т. 3, с. 594]. Однако Пушкин отказался от этой попытки, вернув тексту автобиографический характер, и даже усилив его, изменением строки; вместо «выброшен грозою» — «спасен Дельфином. Я пою» [13, т. 3, с. 593–594]. Это единственная, в процессе работы переделанная, строка, которая, кроме заглавия, напрямую связывает текст с античным мифом. Вместе с тем, и это более важно, она усиливала автобиографизм текста: благодарность императору (о царских милостях было широко известно). Можно предположить, что именно это соображение заставило Пушкина вернуться к первоначальному варианту: после «Стансов» и «Друзьям» очень много было упреков в лести.

Последняя идеологически значимая строка «Я гимны прежние пою», конечно, не означает верности либеральным, а тем паче революционным идеям поэтической юности: даже тогда творчество Пушкина было разнообразным и политические тексты отнюдь не занимали в нем доминирующего положения. Основное её значение: я, уцелевший в катастрофе поэт, продолжаю писать стихи. Сибирским узникам, и в первую очередь А.И. Одоевскому, строка должна была напоминать «Во глубине сибирских руд...», где, при всех недовольствах и разногласиях, выражалось глубокое сочувствие ссыльным, даже восхищение ими («гордое терпенье», «дум высокое стремление»).

Слово «гимны» в русском языке скорее ориентировано на торжественные, величественные тексты, что вызывает ассоциации со стихами политического, напряженного, патетического звучания (ода «Вольность»). В беловом автографе сначала было: «Гимн избавления пою». Здесь строка имеет чисто автобиографический характер и слово гимн (как подразумеваемая благодарность) вполне уместно. Затем автор придал ей, говоря о новом этапе своего творчества, более широкое, общественное, звучание, заменив слово «гимн». Стало: «Я песни прежние пою». Однако в печатном тексте «гимн» вернулся. Вероятно потому, что слово греческого происхождения подкрепляло античную метафору, которая была обозначена только названием.

Можно сказать, что «Арион» включает некоторый цикл из четырех стихотворений, которые, будучи написаны в близкое друг другу время, образуют своеобразную тетралогию.

«Стансы» (21 декабря 1826 г.) являются публичным обращением к Николаю. Поэт надеется на реформы, освобождение декабристов и привлечение их к государственной деятельности.

«Друзьям» (в конце 1827 г.) обращено к относительно узкому кругу людей, которым автор, оправдываясь от обвинений в сервиллизме,

объясняет свое отношение к царю и свое место в новой системе отношений царя и художника.

Послание «Во глубине сибирских руд...» (конец 1826 – начало 1827 г.) является прямым обращением к сибирским узникам с выражением сочувствия и оптимистическими надеждами.

«Арион» (16 июля 1827 г.) подразумевает самую широкую аудиторию. В форме развернутой метафоры Пушкин рассказывает о трагических событиях, имевших место в 1825–1826 гг. и о своей нечаянной счастливой судьбе, чудесном спасении (как Арион) и возможностях дальнейшего творчества.

Таким образом, в этом своеобразном цикле Пушкин, обращаясь к достаточно широкой аудитории, говорит о своем восприятии трагических событий переломного 1825 г. и делится мыслями о будущем России и о своем месте в ней.

Литература

1. Альтшуллер М.Г. Двойчатки: Параллели литературной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 192 с.
2. Альтшуллер М.Г. Диалогия Пушкина: «Стансы» (1826) и «Во глубине сибирских руд...» (1826 <?>) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 77–92. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-77-92>
3. Альтшуллер М.Г. Почему Пушкин изменил последнюю ремарку в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2024. Вып. 39 / отв. ред. А.Ю. Балакин. С. 150–158.
4. Альтшуллер М.Г. Пушкин. Кюхельбекер. Грибоедов. СПб.: Пушкинский дом, 2022. 552 с.
5. Арзамас: в 2 кн. / [сост., подгот. текста и коммент. В.Э. Вацуро и др.]; вступ. ст. В.Э. Вацуро. М.: Худож. лит., 1994.
6. Вацуро В.Э.: материалы к биографии / сост. Т.Ф. Селезнева; вступ. ст. В.М. Марковича. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 685 с.
7. Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. 624 с.
8. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 722 с.
9. Есинов В.М. «Зачем ты, грозный аквилон...» (О стихотворениях «Аквилон» и «Арион») // Московский Пушкинист: ежегодный сборник. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. VII / сост. и научн. рук. В.С. Непомнящий. С. 96–104.
10. Есинов В.М. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.

11. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / редкол. И.А. Айзикова, Э.М. Жиликова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Е. Разумова, Н.Б. Реморова, Н.В. Серебrenников, А.С. Янушкевич (гл. ред.). М.: Языки русской культуры, 1999–.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. / [тексты подгот. и примеч. сост. В.Э. Вацуру и др.]. СПб.: Наука, 1999–. Т. 1: Лицейские стихотворения, 1813–1817.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: сочинения: [в 17 т.] / [ред. ком.: Максим Горький и др.]. М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»: Известия, 1994–1997.
14. Пушкинская энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 1. 517 с.
15. Чернов А.В. Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин — Рылеев — Лермонтов. СПб.; М.: Летний сад, 2007. 337 с.

Research Article

Who Was “The Wise Helmsman”: On Pushkin’s Poem “Arion”

© 2026. Mark G. Altshuller
University of Pittsburgh,
Pittsburgh, USA

Abstract: The poem “Arion” is a detailed autobiographical metaphor, depicting Russia’s intellectual elite as the crew of a ship steered by a “wise helmsman.” The poem’s metaphorical meaning is entirely clear: the “loud whirlwind” is the tragic events of late 1825 and early 1826; the singer is Pushkin himself, his fate, and so on. What is unclear is whom the author portrayed as the very important figure of the helmsman directing the vessel’s course. Conjectures have been most varied: Ryleyev, Pestel, Alexander I, or the view that the figure is “indecipherable.” The author of this article believes that the Helmsman is meant to be Nikolay Karamzin. To confirm this hypothesis, the article examines the relationship between Pushkin and Karamzin, and Karamzin’s significance in the society of the 1820s. The historian’s sudden death (“the helmsman perished, too”) coincided with the tragic events of 1825–1826: the death of Alexander I, the Decembrist revolt, executions, and exiles. Our interpretation is also supported by textual connections between “Arion” and other poems by Karamzin and Pushkin. At the end of the article, “Arion” is considered as the final poem of a cycle of four texts, the audience of which successively widens: “Stanzas,” “To My Friends,” “In the Depths of Siberian Mines,” “Arion.” In the first, the author praises the newly ascended emperor. In the second, he explains his views to those nearest to him — “friends.” In the third, he expresses hope for the Decembrists’ quick release and return to active public life. In the fourth, he formulates his credo, addressing a wide audience of readers.

Keywords: Alexander Pushkin, “Arion,” Nikolay Karamzin, 19th-century Russian poetry, Decembrists, autobiography, historical context, prototypes

Information about the author: Mark G. Altshuller, PhD in Philology, Professor Emeritus, University of Pittsburgh, Fifth Ave., 4200, 15260 Pittsburgh, PA, USA.

E-mail: altshul@pitt.edu

For citation: Altshuller, M.G. “Who Was ‘The Wise Helmsman’: On Pushkin’s Poem ‘Arion.’” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 234–250. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-234-250>

References

1. Al'tshuller, M.G. *Dvoichatki: Paralleli literaturnoi zhizni* [*Doubles: Parallels of Literary Life*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 192 p. (In Russ.)
2. Al'tshuller, M.G. “Dilogiia Pushkina: ‘Stansy’ (1826) i ‘Vo glubine sibirskikh rud...’ (1826 <?>)” [“Pushkin’s Dilogy: ‘Stanzas’ (1826) and ‘In the Depths of Siberian Mines...’ (1826 <?>)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 77–92. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-77-92> (In Russ.)
3. Al'tshuller, M.G. “Pochemu Pushkin izmenil posledniuiu remarku v ‘Borise Godunove’?” [“Why Pushkin Changed the Final Stage Direction in ‘Boris Godunov’.”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Bulletin of the Pushkin Commission*], vol. 39, ed. A.Iu. Balakin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 150–158. (In Russ.)
4. Al'tshuller, M.G. *Pushkin. Kiukhel’beker. Griboedov* [*Pushkin. Kuchelbecker. Griboyedov*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2022. 552 p. (In Russ.)
5. Arzamas: v 2 kn. [Arzamas: in 2 Books], comp., text prep. V.E. Vatsuro et al., introd. by V.E. Vatsuro. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1994. (In Russ.)
6. Vatsuro, V.E. *Materialy k biografii* [*Materials for a Biography*], comp. T.F. Selezneva, introd. by V.M. Markovich. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 685 p. (In Russ.)
7. Vatsuro, V.E. *Pushkinskaia pora* [*The Pushkin Era*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 624 p. (In Russ.)
8. *Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otделение* [*Vi-docq Figlyarin: Letters and Agent Notes of F.V. Bulgarin to the Third Department*], comp. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 722 p. (In Russ.)
9. Esipov, V.M. “‘Zachem ty, groznyi akvilon...’ (O stikhotvoreniakh ‘Akvilon’ i ‘Arion’)” [“‘Why Are You, Formidable Aquilon...’ (On the Poems ‘Aquilon’ and ‘Arion’)”]. *Moskovskii Pushkinist: ezhegodnyi sbornik* [*The Moscow Pushkinist: An Annual Collection*], vol. 7, ed., research adv. V.S. Nepomniashchii. Moscow, IWL RAS Publ., 2000, pp. 96–104. (In Russ.)
10. Esipov, V.M. *Pushkin v zerkale mifov* [*Pushkin in the Mirror of Myths*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006. 560 p. (In Russ.)
11. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*], eds. I.A. Aizikova et al., A.S. Ianushkevich (chief ed.). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999–. (In Russ.)

12. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [Complete Works: in 20 vols.], vol. 1: *Litseiskie stikhotvoreniia, 1813–1817* [Lyceum Poems], text prep. and notes by V.E. Vatsuro et al. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999–. (In Russ.)

13. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: Sochineniia: [v 17 t.]* [Complete Works: Works: [in 17 vols.]], ed. comm. by Maksim Gor'kii et al. Moscow, *Gazetno-zhurnal'noe ob"eedinenie "Voskresen'e"*, *Izvestiia* Publ., 1994–1997. (In Russ.)

14. *Pushkinskaia entsiklopediia* [Pushkin Encyclopedia], vol. 1. St. Petersburg, *Nestor-Istoriia* Publ., 2009. 517 p. (In Russ.)

15. Chernov, A.V. *Dliatsia noch dekabria. Poeticheskaia tainopis': Pushkin — Ryleev — Lermontov* [The Nights of December Linger. Poetic Cryptography: Pushkin — Ryleev — Lermontov]. St. Petersburg, Moscow, *Letnii sad* Publ., 2007. 337 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.05.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 14.05.2025

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026